

1854.

№ 18.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Тифлисъ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петерб. Почтамта; въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газет. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:
Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. 50 к.
Полугодовое 4 - 50 к.

Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер., со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

5 МАРТА,

СРЕДА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 12-го Февраля.

Въ Journal de St.-Petersbourg напечатано:

«Въ официальной части «Всеобщаго Монитера» напечатано письмо, написанное къ Его Величеству Государю Императору Императоромъ Французовъ. Намъ дозволено равнобрно, при перепечатаніи сего акта, присовокупить къ нему отвѣтъ Августѣйшаго нашего Монарха.

Письмо Императора Французовъ.

Тюльрийскій Дворецъ, 29 января 1854.

Государь!

Разгласіе, возникшее между Вашимъ Величествомъ и Портою Оттоманскою, достигло такой

степени важности, что я считаю долгомъ самъ объяснить прямо Вашему Величеству, какое участие Франція принимала въ семъ дѣлѣ, и какія средства представляются мнѣ для устраненія опасностей, угрожающихъ спокойствію Европы.

Въ ночь, представленной, по повелѣнію Вашего Величества, моему кабинету и кабинету королевы Викторіи, стараются доказать, что система понужденія, принятая морскими державами съ самаго начала, одна растрвила вопросъ. Мнѣ же кажется, что вопросъ этотъ остался бы дѣломъ кабинетнымъ, еслибъ занятіе Княжествъ не превратило вдругъ переговоровъ въ дѣйствіе. Между-тѣмъ, и по вступленіи войскъ Вашего Величества въ Валахію, мы приглашали Порту не считать этого занятія по-

водомъ къ войнѣ; свидѣтельствуя тѣмъ о крайнемъ желаніи нашемъ достигнуть примиренія. Согласившись съ Англіею, Австріею и Пруссіею, я предложилъ Вашему Величеству ноту, которая была бы удовлетворительна для обѣихъ сторонъ. Ваше Величество ее приняли, но лишь только получили мы сіе благоприятное извѣстіе, какъ Вашъ министръ, объяснительными къ ней примѣчаніями, уничтожилъ весь успѣхъ примиренія, и воспрепятствовала намъ настаивать въ Константинополѣ на простомъ и безусловномъ принятіи ея. Порта, съ своей стороны, предложила сдѣлать въ проектѣ ноты измѣненія, которыя, по мнѣнію представителей четырехъ державъ въ Вѣнѣ, могли быть допущены. Они не были одобрены Вашимъ Величествомъ. Тогда Порта,

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Воспоминанія Кавказскаго Офицера.

II.

Г а й д е и Б е л л а .

Зима прошла. Много ночей мы провели на конѣ, многіе аулы постигла участь Горншекъ. Осънительный снѣгъ стоялъ, весна одѣвала дѣса густыми листьями, горы и дуга красовались свѣжею зеленью. Все воодушевлялось новою жизнью; а мертвые почивали, и съ ними вмѣстѣ гений войны ихъ поразившій.

Въ одно прекрасное весеннее утро я отправился верхомъ, по дѣламъ службы, въ крѣпость Грозную, и окончивъ дѣла, пошелъ навѣстить плѣнныхъ: ихъ было болѣе четырехсотъ человекъ. Въ темномъ мѣстѣ ихъ заключенія, освѣщаемомъ только тлѣющими угольями, между прочими плѣнными, помѣщалось отъ 50 до 60 женщинъ и дѣтей.

Посѣтивъ плѣнныхъ и будучи проникнутъ живымъ чувствомъ состраданія къ этимъ несчастнымъ жертвамъ заблужденія своего племени, я имъ сказалъ черезъ переводчика вѣсколько словъ утѣшительныхъ; тогда изъ темнаго угла вышли ко мнѣ двѣ блѣдныя женщины, съ трудомъ передвигавшія ноги, придерживая руками тряпки, едва закрывавшія грудь;—бросившись къ моимъ ногамъ, онѣ проговорили сквозь слезы: «ты когда-то скажиса надъ нами, сжаляся и теперь». Я узналъ двухъ дѣвушекъ изъ аула Горншки, но я съ трудомъ узналъ ихъ. Такъ измѣнились онѣ въ заключеніи. Положеніе ихъ меня тронуло; я рѣшился помочь имъ. Утѣшивъ ихъ словомъ, я немедленно отправился къ полковнику П., тогдашнему коменданту Грозной, дабы его извѣстить о намѣреніи моемъ взять этихъ дѣвушекъ подъ свое покровительство, и черезъ часть я получилъ право освободить плѣнницъ. Одинъ мой пріятель изъ туземцевъ (кунакъ), обязался на слѣдующій день доставить ихъ ко мнѣ въ Червленую, куда онѣ дѣйствительно прибыли на другой день къ вечеру, и застали приготовленную для себя комнату въ моемъ домѣ.

Бѣдныя дѣти слишкомъ много вытерпѣли, горе слишкомъ сильно потрясло ихъ душу, чтобы ввезавшая перемена участи могла имъ быть чувствительна: равнодушныя ко всему, онѣ просиживали цѣлые часы и горько плакали. Ихъ роб-

кія натуры, развившіяся подъ вліяніемъ строгихъ правовъ родины, а потомъ одичавшія въ заточеніи тюремной жизни, недоступны были ни словамъ утѣшенія, ни какой бы то ни было радости. Кроме того, по религиознымъ мусульманскимъ предразсудкамъ, онѣ отказывались ѣсть блюда, приготовляемыя христианами. Переломить въ нихъ этотъ предразсудокъ было чрезвычайно трудно; напрасно я истощалъ все свое знаніе Корана, чтобы доказать имъ, что и самъ пророкъ допускалъ исключенія; непризнавали онѣ моего авторитета, и я принужденъ былъ позвать настоящаго муллу, который именемъ священной для мусульманъ книги разрѣшилъ имъ принимать все, что дается отъ чистаго сердца.

Мало-по-малу оцѣпившія сердца стали оживать, являлась нѣкоторая привязанность къ жизни; ея живительная теплота стала опять развивать цвѣтъ юности, удавший отъ горя. На блѣдныхъ щекахъ появился румянецъ, тусклые глаза запылали, тощіе члены округлялись жизненной полнотою, и обрисовывались изящныя формы, прекрасныя таин въ красивомъ національномъ нарядѣ. Велико было мое наслажденіе слѣдить за развитіемъ этихъ цвѣтковъ и окружать ихъ всевозможными попеченіями.

Старшая изъ двухъ сестеръ—Гайде была, особенно, идеально-граціозное созданіе: высока и гибка какъ тополь, легка, игрива какъ лань; въ ея черныхъ глазахъ отражалось глубокое сердечное чувство, и вмѣстѣ съ тѣмъ проглядывали крайности: въ ней обнаруживалась душа, способная пламенно любить и жестоко ненавидѣть, на устахъ ея высказывался жаркій поцѣлуй, а рука казалась способной владѣть острымъ кинжаломъ. И всего ей было 15 лѣтъ.

Младшая сестра, Белла, не столь была хороша, не имѣла ни той граціозности стана, ни такого благородства въ чертахъ лица.

Со временемъ упрочилось довѣріе, настала веселость, робость исчезла, вмѣсто слезъ появились улыбки; чужой домъ сталъ казаться роднымъ; онѣ подружились съ казачками, помогали имъ въ трудахъ около винограда и шелковичныхъ червей, а въ праздникъ присоединялись къ веселому кругу дѣвушекъ для народной пляски, въ которой отличались особенною ловкостію. Словомъ, можно сказать, послѣ продолжительнаго сна онѣ проснулись для новой жизни. А для меня это составляло наслажденіе и развлеченіе; мои пріемыши были истиннымъ украшеніемъ моего уединенія. Въ то время Червленая не была еще центромъ соедине-

нія отрядовъ и веселыхъ образованныхъ офицеровъ гвардіи и арміи, приѣзжающихъ на Кавказъ для знакомства съ войною. Это былъ оазисъ среди опасностей, и надъ нимъ дѣлались дверьми ада Данте очень кстати припала-бы къ воротамъ Червленой.... Единственное общество—казаки и Чеченцы, единственный предметъ разговора исторія хищническихъ продѣлокъ окрестныхъ горцевъ; единственныя увеселенія—тревоги и набѣги. Много поэзіи въ этой удалой жизни, но много тоже минутъ скучнаго уединенія. Тогда чувствуется пустота въ сердцѣ: человекъ долженъ имѣть какія-нибудь обязанности,какой-нибудь сердечный интересъ,—это въ его природѣ; мои пріемыши замѣчали мнѣ семейство. Когда я находился въ Чечнѣ, окруженный опасностями, то всегда думалъ, что обо мнѣ молятся, и молитвы эти быть можетъ не противны Богу, а возвратившись домой, я былъ встрѣчаемъ съ сердечною радостію. Бѣдныя дѣти были совершенно одиѣ, весь свѣтъ оставался имъ чуждъ; я одинъ составлялъ для нихъ все; онѣ могли-бы найти себѣ какого-нибудь пашу, повелителя, но не отца, не брата—а эту послѣднюю роль я принялъ на себя. Это особенно сознавала благородная и воспримчивая душа Гайде; она мнѣ всячески оказывала преданность и благодарность, и часто при вечернемъ прощаніи, желая мнѣ покойной ночи, она бывало растрогается до слезъ.

Рѣдко бѣдныя дѣти вспоминали прошедшее, и оно дѣйствительно не могло быть привлекательно женщинамъ, которыя въ своемъ народѣ, какъ и вообще у всѣхъ Горцевъ, унижены и считаются наравнѣ съ животными. Только память матери, нечаянно убитой пулею во время набѣга, была для нихъ священна, и, вспоминая о ней, часто плакали дѣвушки. Брата своего Даута онѣ не любили, какъ извѣстнаго разбойника. Съ отвращеніемъ вспоминала Гайде о другомъ разбойникѣ—своемъ бывшемъ женихѣ; она его всю душою ненавидѣла. Лучшее обращеніе дало моимъ дѣвушкамъ лучшее понятіе о жизни.

Бѣдныя дѣти! Заря вашей жизни была закрыта, туманна; свѣтлый день прошелъ скоро, и уже снова близка была для васъ ночь холодная и темная....

Гр. Ст.....

(Продолженіе впереди.)

оскорбленная въ своемъ достоинствѣ, угрожаемая въ своей независимости, отягощенная уже сдѣланными ею усиліями для противопоставленія войска арміямъ Вашего Величества, предпочла объявленіе войны этому положенію нерѣшительному и унижительному. Она просила нашего пособія; дѣло ей казалось намъ справедливымъ. Эскадры Англійская и Французская получили приказаніе войти въ Босфоръ.

Мы приняли, въ-отношеніи къ Турціи, положеніе покровительствующее, но не дѣйствующее. Мы не поощряли ея къ войнѣ. Мы безпрестанно подавали султану совѣты о миролюбии и умѣренности, увѣренные, что симъ средствомъ достигнемъ примиренія, и четыре державы вновь согласились представить Вашему Величеству другія предложенія. Ваше Величество, съ своей стороны, являя спокойствіе, поражаемое сознаніемъ своей силы, ограничивались, какъ на лѣвомъ берегу Дуная, такъ и въ Азіи, отраженіемъ нападенія Турокъ, и съ умѣренностью, достойною Владыки великой имперіи, объявили, что будете оставаться въ оборонительномъ положеніи. И такъ дотолѣ мы были, могу сказать, внимательными зрителями военныхъ дѣйствій, но не принимали въ нихъ участія. Вдругъ Синопское дѣло заставило насъ принять положеніе болѣе-рѣшительное. Франція и Англія не считали полезнымъ посылать десантныя войска на помощь Турціи. И такъ ихъ флагъ не принималъ участія въ дѣлахъ, происходившихъ на сушѣ. Но на морѣ было иное. Три тысячи орудій при входѣ въ Босфоръ, присутствіемъ своимъ, довольно-громко говорили Турціи, что двѣ первенствующія морскія державы не дозволятъ напасть на нее на морѣ. Синопское происшествіе было для насъ и оскорбительно, и неожиданно. Не важно то, хотѣли ли Турки или нѣтъ перевезти военные запасы на Русскіе берега. Дѣло въ томъ, что Русскіе корабли напали на суда Турецкія на водахъ Турціи, стоявша спокойно въ Турецкомъ портѣ. Они истребили ихъ, несмотря на обѣщаніе не вести войны наступательной, несмотря на близость нашихъ эскадръ. Въ этомъ случаѣ оскорбленіе нанесено было не политикѣ нашей, а нашей военной чести. Пушечные выстрѣлы Синопа грустно отзывались въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, которые въ Англіи и Франціи живо чувствуютъ національное достоинство. Воскликнули единогласно: «союзники наши должны быть уважаемы вездѣ, куда могутъ достигнуть наши выстрѣлы!» Посему дано было нашимъ эскадрамъ предписаніе войти въ Черное Море, и, если нужно, силою препятствовать повторенію подобнаго событія. Посему послано было Санктпетербургскому Кабинету общее объявленіе съ извѣщеніемъ его, что если мы станемъ препятствовать Туркамъ къ перенесенію наступательной войны на берега, принадлежащіе Россіи, то будемъ покровительствовать снабженію ихъ войскъ на ихъ собственной землѣ. Что же касается до Русскаго флота, то, препятствуя ему въ плаваніи по Черному Морю, мы поставляемъ его въ иное положеніе; ибо надлежало, на время продолженія войны, сохранить залогъ равносильный владѣніямъ Турецкимъ, занятымъ Русскими, и облегчить такимъ-образомъ заключеніе мира, имѣя способъ къ обоюдному общенію.

Вотъ, Государь, точный ходъ и послѣдовательность событий. Ясно, что по достиженіи ими сей степени, они должны привести или къ окончательному соглашенію, или къ рѣшительному разрыву.

Ваше Величество подали столько свидѣтельствъ попечительности своей о сохраненіи спокойствія Европы, содѣйствовали тому такъ могущественно своимъ благодѣтельнымъ вліаніемъ противъ духа безпорядка, что я не сомнѣваюсь въ томъ, которую часть вы изберете изъ представленныхъ Вамъ на выборъ. Если Ваше Величество, подобно мнѣ, желаете миролюбиваго окончанія, этого можно до-

стигнуть очень-просто объявленіемъ, что немедленно будетъ заключено перемиріе, что дѣла пойдутъ своимъ дипломатическимъ порядкомъ, что всякое неприязненное дѣйствіе прекратится, и что всѣ воюющія силы оставятъ тѣ мѣста, куда призваны были по-поводу войны.

И такъ Русскія войска вышли бы изъ Княжествъ, а наша эскадра изъ Чернаго Моря. Такъ какъ Ваше Величество предпочитаете вести переговоры прямо съ Турціею, то вы назначили бы посла для заключенія съ уполномоченнымъ султана конвенціи, которая потомъ будетъ представлена конференціи четырехъ державъ. Въ случаѣ принятія сего плана, въ которомъ мы съ королевою Викторіею совершенно-согласны, спокойствіе будетъ возобновлено, и свѣтъ удовлетворенъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ семъ планѣ не заключается ничего такого, что не было бы достойно Вашего Величества, что могло бы оскорбить честь Вашу. Но когда, по причинамъ, которыя трудно понять, Ваше Величество будете отвѣчать отказомъ, тогда Франція, какъ и Англія, будетъ принуждена предоставить жребію оружія и случайностямъ войны рѣшеніе, котораго можно было бы теперь достигнуть разсудкомъ и справедливостью.

Не думайте, Ваше Величество, чтобъ въ моемъ сердцѣ была малѣйшая неприязненность: я питаю только тѣ чувства, которыя Ваше Величество выразили Сами въ письмѣ ко мнѣ отъ 17-го января 1853 г.: «Наши сношенія должны быть искренне-дружественныя и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненія порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и взаимной благопріязни». Эта программа достойна Государя, начертаннаго оную, и я не колеблюсь скажу, что пребылъ ей вѣренъ.

Прошу Ваше Величество вѣрить искренности моихъ чувствъ, и съ сими чувствами пребываю,

Государь,

Вашего Величества

добрый другъ

Наполеонъ.

Отвѣтъ Его Величества Государя Императора.

Санктпетербургъ, 28-го января (9 февраля) 1854.

Не могу лучше отвѣчать Вашему Величеству, какъ повтореніемъ словъ, сказанныхъ Мною, которыми оканчивается Ваше письмо: «Наши сношенія должны быть искренне-дружественныя и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненія порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и взаимной благопріязни». Принимая сію программу, какъ Я начерталъ оную самъ, Вы утверждаете, что пребывали ей вѣрны. Смѣю думать, и совѣтъ Меня въ томъ удостовѣряетъ, что Я отъ ней не уклонялся, ибо въ дѣлѣ, разделяющемъ насъ и возникшемъ не по Моей винѣ, Я всегда старался о сохраненіи благопріятныхъ сношеній съ Франціею, и съ величайшимъ раченіемъ избѣгалъ встрѣтиться на этомъ поприщѣ съ выгодами религіи, исповѣдуемой Вашимъ Величествомъ; дѣлалъ, для поддержанія мира, всѣ уступки въ формѣ и въ существѣ, какія только допускала честь Моя, и требуя для Моихъ единовѣрцевъ въ Турціи, утвержденія правъ и преимуществъ, приобретенныхъ для нихъ издавна цѣною Русской крови, не искалъ ничего такого, что не истекало бы изъ трактатовъ. Еслибъ Порты была предоставлена самою собою, раздоръ, приводящій въ недоумѣніе Европу, давно бы былъ прекращенъ. Бѣдственное вліаніе одно тому воспрепятствовало. Возбуждая неосновательныя подозрѣнія, распаляя фанатизмъ Турокъ, представивъ правительству ихъ Мои намѣренія и истинное значеніе Моихъ требованій въ ложномъ видѣ, дали этому вопросу такіе обширные размѣры, что изъ него неминуемо должна была возникнуть война.

Ваше Величество позволите мнѣ не распространяться въ подробности о обстоятельствахъ, изложенныхъ въ Вашемъ письмѣ съ особенной Вашей точки зрѣнія. Многія дѣйствія Мои одижаются въ немъ, по Моему мнѣнію, не во всей точности; многіе случаи, изложенные превратно, потребовали бы, для представленія ихъ въ надлежащемъ видѣ, крайней-мѣрѣ какъ Я ихъ понимаю, слишкомъ-подробныхъ толкованій, несовмѣстныхъ съ перепискою между царственными лицами. Такимъ-образомъ Ваше Величество полагаете занятіе Княжествъ виною быстро превращенія переговоровъ въ дѣйствія. Но Вы упускаете изъ виду, что этому занятію, еще только временному, предшествовалъ и преимущественно подалъ поводъ случай весьма-важный—появленіе союзныхъ флотовъ вблизи Дарданеллъ, да и гораздо прежде того, когда Англія колебалась еще принять поудительное положеніе противъ Россіи, Ваше Величество предупредили ее отправленіемъ своего флота до Саламина. Это оскорбительное дѣйствіе возбѣжало, безспорно, малое ко мнѣ довѣріе. Оно должно было поощрить Турокъ, и заранѣе препятствовать успѣху переговоровъ, показавъ имъ, что Франція и Англія готовы поддерживать ихъ дѣло во всякомъ случаѣ. Такимъ же образомъ Ваше Величество говорите, что объяснительныя замѣчанія Моего Кабинета въ Вѣнской нотѣ поставили Францію и Англію въ невозможность побуждать Порту къ принятію оной. Но Ваше Величество можете вспомнить, что наши замѣчанія не предшествовали отказу въ простомъ и безусловномъ принятіи ноты, а послѣдовали за нимъ, и Я полагаю, что еслибъ сіи державы сколько-нибудь дѣйствительно желали сохраненія мира, онѣ должны были съ самаго начала содѣйствовать этому простому и безусловному принятію ноты, и не допускать со стороны Порты измѣненія того, что Мы приняли безъ всякой перемѣны. Впрочемъ, еслибъ которое-либо изъ нашихъ замѣчаній могло подать поводъ къ затрудненіямъ, Я сообщилъ въ Сальмоцъ достаточное имъ поясненіе, которое Австрія и Пруссія признали удовлетворительнымъ. Къ несчастію, между тѣмъ временемъ часть Англо-французскаго флота вошла уже въ Дарданеллы, под предлогомъ охраненія жизни и собственности Англійскихъ и Французскихъ подданныхъ, а для входа всего флота, безъ нарушенія трактата 1841 года, надлежало, чтобъ Оттоманское правительство объявило Намъ войну. По моему мнѣнію, еслибъ Франція и Англія желали мира какъ Я, имъ слѣдовало, во что бы то ни стало, препятствовать сему объявленію войны, или когда война уже была объявлена, употребить старанія, чтобъ она ограничивалась тѣсными предѣлами, которыми Я желалъ оградить ее на Дунаѣ, чтобъ Я не былъ насильно выведенъ изъ чисто-оборонительной системы, которую желалъ сохранять. Но съ той поры, какъ позволили Туркамъ напасть на Азіатскія наши границы, захватить одинъ изъ пограничныхъ постовъ (даже до сроба, назначеннаго для открытія военныхъ дѣйствій), обложить Ахалцыхъ, и опустошить Армянскую Область; съ тѣхъ-поръ, какъ дали Турецкому флагу свободу перевозить на наши берега войска, оружіе и снаряды, можно ли было по здравому смыслу, надѣяться, что мы спокойно будемъ ожидать послѣдствій такихъ покушеній? Не слѣдовало ли предполагать, что мы употребимъ всѣ средства для воспрепятствованія этому? Затѣмъ случилось Синопское дѣло. Оно было неминуемымъ послѣдствіемъ положенія, принятаго обѣими державами, и это происшествіе, конечно, не мало имъ показаться *непредвидимымъ*. Я объявилъ, что желаю оставаться въ оборонительномъ положеніи, но объявилъ это прежде, нежели вспыхнула война, доколѣ Моя честь и Мои выгоды это позволяли, доколѣ война оставалась въ извѣстныхъ предѣлахъ. Все

ли было сдѣлано для того, чтобъ эти предѣлы не были нарушены? Когда Ваше Величество, не довольствуясь быть зрителемъ или даже посредникомъ, пожелали стать вооруженнымъ пособникомъ Моихъ враговъ, тогда, Государь, было бы гораздо прямѣе и достойнѣе Васъ, предупредить Меня о томъ откровенно, объявивъ Мнѣ войну. Тогда всякъ зналъ бы, что ему дѣлать. Но справедливое ли дѣло обвинять насъ въ событіи по совершении онаго, когда сами ни коимъ образомъ его не предупреждали? Если пушечные выстрѣлы въ Синопѣ грустно отозвались въ сердца тѣхъ, кто во Франціи и въ Англіи живо чувствуетъ народное достоинство, неужели Ваше Величество думаете, что грозное присутствіе при входѣ въ Босфоръ трехъ тысячъ орудій, о которыхъ Вы говорите, и вѣсть о входѣ ихъ въ Черное Море не отозвались въ сердца народа, котораго честь Я защищать обязанъ? Я узналъ отъ Васъ впервые (ибо въ словесныхъ объявленіяхъ, сдѣланныхъ Мнѣ здѣсь, этого сказано не было), что, покровительствуя снабженію припасами Турецкихъ войскъ на собственной ихъ землѣ, обѣ державы рѣшились *препятствовать нашему плаванію по Черному Морю*, т. е. вѣроятно снабженію припасами собственныхъ нашихъ береговъ. Предоставляю на судъ Вашего Величества, облегчается ли этимъ, какъ Вы говорите, заключеніе мира, и дозволено ли Мнѣ, при этомъ выборѣ одного изъ двухъ предложеній, не только разсуждать, но и помыслить на одно мгновение о Вашихъ предложеніяхъ перемирія, о немедленномъ оставленіи Княжествъ, и о вступленіи въ переговоры съ Портою для заключенія конвенціи, которая потомъ была бы представлена конференціи четырехъ державъ. Сами Вы, Государь, если бѣ Вы были на Моемъ мѣстѣ, неужели согласились бы принять такое положеніе? Могло ли бы чувство народной чести Вамъ то позволить? Слѣдо отвѣчаю: нѣтъ! Итакъ дайте мнѣ право мыслить такъ, какъ Вы. На что бы Ваше Величество ни рѣшились, Я не отступлю ни предъ какою угрозою. Довѣряю Богу и Моему праву, и Россія, ручаюсь въ томъ, явится въ 1854 году такою же, какъ была въ 1812-мъ.

Если, при всемъ томъ, Ваше Величество, съ меньшимъ равнодушіемъ къ Моей чести, возвратитесь чистосердечно къ нашей программѣ, если Вы подадите Мнѣ отъ сердца Вашу руку, какъ Я Вамъ предлагаю Свою въ эти послѣднія минуты, Я охотно забуду все, что въ прошедшемъ могло бы быть для Меня оскорбительнымъ. Тогда Государь, *но только тогда*, намъ можно будетъ вступить въ сужденія, и, можетъ быть, согласиться. Пусть Вашъ флотъ ограничится удержаніемъ Турокъ отъ доставленія новыхъ силъ на позорище войны. Охотно обещаю, что имъ нечего будетъ страшиться нападеній. Пусть они пришлютъ ко Мнѣ уполномоченнаго для переговоровъ. Я приму его съ надлежащимъ приличіемъ. Условія Мои извѣстны въ Вѣнѣ. Вотъ единственное основаніе, на которомъ Мнѣ позволено вести переговоры.

Прошу Ваше Величество вѣрить искренности чувствъ, съ коими пребываю,

Государь,
Вашего Величества
добрый другъ
Николай.

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИБАВЛЕНІЯ, ПО ОТДѢЛЬНОМУ КАВКАЗСКОМУ КОРПУСУ.

Назначаются: Командиръ Дагестанскаго полка Подполковникъ Броневскій 3-й, исправляющій должность Оберъ-Квартирмейстера Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, съ переводомъ въ Генеральный Штабъ Самурскаго полка Ракуса, Командиромъ Дагестанскаго Пѣхотнаго полка. Старшій Адъютантъ Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, по части Генеральнаго Штаба, Подполковникъ Станинскій, Дивизионный Квартирмейстеромъ 21-й пѣхотной дивизіи.

Производится, за отличіе въ сраженіи противъ Турокъ, По

Корпусу Инженеровъ Путей Сообщенія: Исправляющій должность Начальника V Отдѣленія VIII Округа Путей Сообщенія, Капитанъ Гогель, въ Подполковники, со старшинствомъ съ 16-го октября 1853 года и съ утвержденіемъ въ настоящей должности.

ТИФЛИСЪ.

Г. Главнокомандующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, передъ отъездомъ своимъ въ Высочайше-разрѣшенный ему отпускъ, изволилъ отдать слѣдующій приказъ по Корпусу:

Марта 1-го дня. Отъѣзжая въ Высочайше-разрѣшенный мнѣ отпускъ, по совершенному расслабленію здоровья отъ усиленныхъ служебныхъ занятій въ продолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ и особенно въ прошедшемъ 1853 году, я сдалъ себя чиста, по тому-же Высочайшему разрѣшенію, командованію здѣшними войсками и права Главнокомандующаго Генералу-отъ-Кавалеріи Редю.

Воины Кавказскаго Корпуса!

Больно мнѣ съ вами разставаться, хотя надѣюсь не надолго, въ такое время, въ которое въ продолженіи войны, я бы отъ всего сердца желалъ раздѣлять съ вами труды и опасности оной. Въ теченіи почти девяти лѣтъ я вездѣ, сколько могъ, участвовалъ въ главнѣйшихъ экспедиціяхъ, безпрестанно объѣзжалъ весь Край и границы, и знакомился со всеми вашими нуждами. Безпрестанно имѣлъ случаи радоваться и удивляться вашимъ подвигамъ и успѣхамъ. Эти самые труды оказались выше силъ моихъ и принуждаютъ меня, хотя, какъ выше сказано, на время обратиться къ покою и леченію. Въ отсутствіи моемъ, я буду молить Всевышняго Бога о вашемъ счастьи, о вашемъ здоровьи и о томъ, чтобы я могъ поправиться и будущей осенью явиться въ рядахъ вашихъ. Я совершенно увѣренъ, что Кавказскій Корпусъ сохранитъ свою славу, ознаменуется новыми подвигами, искони здѣсь обычными и которымъ новые блистательные примѣры были оказываемы противъ Турокъ и въ прошедшемъ году въ Гуріи, въ Ацхурѣ, у Ахалцыха и въ Башкадыклярѣ; любезное наше отечество вамъ за оныя вполнѣ благодарно, смотритъ на васъ съ восторгомъ и радостью и, вмѣстѣ съ великимъ нашимъ Монархомъ, ожидаетъ отъ васъ, какъ скоро случаи представятся, ту-же неустрашимость, ту-же дисциплину, то-же повиновеніе къ начальству и всѣ тѣ качества, которыя всегда васъ знаменовали и за которыя Всемилостивѣйшій нашъ Государь васъ всѣхъ такъ щедро награждаетъ.

28-го февраля Тифлискіе жители толпами стекались на встрѣчу 11 орудій, отбитымъ княземъ Андропиковымъ подъ Ахалцыхомъ. Эти славные трофеи первой нашей побѣды надъ Анатолийской арміей Турокъ съ торжествомъ встрѣчены тифлискими жителями, и помѣщены въ Арсеналь. За тѣмъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ здѣсь дорогие гости, — войска, идущія изъ глубины Россіи для защиты ея Закавказскихъ предѣловъ отъ полчищъ вражескихъ. Тифлисъ готовится встрѣтить желанныхъ гостей своихъ радушно, какъ земляковъ, и проводить ихъ съ родственнымъ, искреннимъ желаніемъ счастливаго пути и славнаго, побѣдоноснаго возвращенія.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

АНГЛІЯ.

Лондонъ, *февраля 11-го.* Предлагаемъ подробности о вчерашнемъ засѣданіи Верхняго Парламента. Графъ Элленборо спросилъ: получено ли правительствомъ сообщеніе Даніи и Швеціи касательно нейтралитета, который онѣ намѣрены сохранить въ Балтійскомъ морѣ? Лордъ Кларендонъ отвѣчалъ, что правительство дѣйствительно имѣетъ объявленіе о намѣреніи этихъ державъ сохранить строгій нейтралитетъ; онѣ прислали, сверхъ того, списокъ пор-

товъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, куда не будутъ допущаемы военные корабли. Англійское правительство, въ отвѣтъ своемъ, одобрило поминку этихъ державъ и средства къ сохраненію ихъ нейтралитета. Лордъ Элленборо возразилъ, что, по его мнѣнію, нѣкоторые порты, которые Швеція хочетъ закрыть, были-бы полезны для Англіи, тогда какъ Россія пользуется весьма благоприятными для нея портами. Лордъ Кларендонъ отвѣчалъ, что исключеній для Англіи не сдѣлано. Нѣкоторые члены, кажется, увѣрены, что Англія въ войнѣ (прибавилъ графъ Абердинъ), по это неосновательно. «Я не согласенъ даже съ мнѣніемъ, чтобъ война была неизбежна; напротивъ, полагая, что должно производить большія военныя приготовленія, я не потерялъ однако надежды на сохраненіе мира.» Графъ Дерби отвѣчалъ на это, что во всей Англіи одинъ графъ Абердинъ не вѣритъ войнѣ.

— *Февраля 14-го.* Вчера лордъ Джонъ Россель представилъ свой билль о реформѣ, по которому 29 мѣстечекъ, принадлежащихъ еще трехъ-сотъ избирателей, будутъ пользоваться избирательными правами, и 33 мѣстечка, у которыхъ нѣтъ еще пяти сотъ избирателей, будутъ имѣть по депутату. Западный округъ Йоркшира, южный Ланкастершира и нѣсколько графствъ будутъ имѣть по одному депутату болѣе. Училища правовѣднія, Лондонскій университетъ и Шотландскіе университеты будутъ пользоваться избирательными правами. Избирательный ценсъ для домохозяевъ будетъ уменьшенъ до шести фунтовъ стерлинговъ. (J. de St.-P.)

— У г. д'Израэли происходило 11-го февраля собраніе консервативныхъ членовъ Нижней Палаты. Рѣшено было воздерживаться отъ всякой систематической оппозиціи, но бдительно наблюдать за дѣйствіями министерства. (N. Pr. Z.)

— Въ № 422-мъ Англійской газеты The Nautical Standard and Steam Navigation Gazette (28-го января) помѣщена статья о приготовленіяхъ къ войнѣ, изъ которой сообщаемъ нѣкоторыя размышленія автора. Онъ развиваетъ въ своей статьѣ ту мысль, что не надобно пренебрегать неприятелемъ, съ которымъ будетъ война, а напротивъ, необходимо изучить какъ физическія, такъ и нравственныя его силы. Подобное пренебреженіе и излишняя самоудѣльность были главными причинами пораженій, претерпѣнныхъ Англичанами въ войнѣ за независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Авторъ означенной статьи обращаетъ также вниманіе Англійскаго правительства и адмиралтейства на значеніе морской артиллеріи, которая въ морскихъ сраженіяхъ играетъ главную роль, и вновь ссылается на поучительные для Англичанъ примѣры изъ войны съ Сѣверо-Американцами. Авторъ говоритъ: «Неприятель (Американцы) вскорѣ открылъ нашу слабую сторону, и воспользовался ею. Американцы, постоянно упражняясь въ стрѣльбѣ, а также терпѣливо изучая оную, образовали изъ своихъ моряковъ искусныхъ канонировъ и опытныхъ артиллеристовъ; этимъ-то очевиднымъ преимуществомъ и замѣною нашихъ короткихъ пушекъ длинными, они удержали за собою превосходство надъ нами.» Основываясь на этомъ, авторъ приводитъ слова одного публициста, что нынѣ недостаточно быть только хорошимъ морякомъ, но надобно быть и искуснымъ артиллеристомъ, а также умѣть дѣйствовать дружно и исполнять, въ пылу самого жаркаго сраженія, самыя трудныя и сложныя движенія, какъ на ученѣ. Въ другомъ мѣстѣ статьи сказано: «Мы не сомнѣваемся, что въ Русскомъ флотѣ встрѣтимъ храбрыхъ, рѣшительныхъ моряковъ, свыкшихся со стихією, на которой они служатъ въ самомъ ея бурномъ и ужасномъ видѣ, какой представляется намъ Балтійскимъ и Чернымъ морями. Сверхъ того, они хорошо обучены артиллерійскому дѣлу, и Синопское побоище представляетъ достаточныя доказательства умѣнья ихъ обращаться съ орудіями разрушенія.

